

Да хрящи зрывают листьем...

Мог ли я не становиться таковым ото собственного же?.. Воскресное утро чуть едким шипением колких зеленоватых, зудящих нежаром металлических болей надвнешенных влияний лучей простаивало в глухо ударяющем неприятным вопианием стекольных раскрытий опухших краснотою раскрывшейся пленком гнойной смрадной тяжести раны сдавлений пробуждении моём: ссохшая бездействием привычно морщинистого бессилия, излишнею детскою бесформенною пухловатостью неказистая рука неловким поглаживанием проходится по прохладной гладкости рельефных ударений плотной ткани наволочки: рвота ороговевших сукровицею пял моих воспалённых маслянистым свистом плюхнулась на неприсутствие прочного, и иная рука тяжеловесным рычагом подпирает слабосильную окоченевшую плоть над гудящею густотою комнаты. Никогда я ещё не чувствовал себя так дурно: сплю я не более десяти часов в неделю, и при этом ничто не может решить эту проблему, хотя самость же данного от меня будто незримо далека: главная дурнота моего содержится в чувстве души тоей: пробуждаясь, меня тошнит от деяний своих и от внешности вновиобразованного: сперва меня дерёт от несостоятельности, тупой перхотной шепотливости события моего: свершая деяние, я ощущаю одно боль по явлению невнешности внутреннего: завершая его, не остаётся более ничего, кроме стухших вонючими солёными вязями телес нечарования: пытаюсь отвлечься, я испытываю лишь щекочущий невыносимой стонущей резью бязательное по должному: ничем не занимаясь, я мучим бездеятельностью ещё более: засыпая, я есть окоченевшее холодным жаром песчаных густков тех, и сон только прочнее являет смерть мою, что острупевшею невластию мешает с грязью земляного пробуждение. Выгляжу я, кажется, совершенно обыкновенно, и оттого даже несколько обидно: не за вопианием облачить страдание прекрасным, но в лживости внешности я укоряю эти томления прягающего: я есть неприглядно набухающий нечистотами, даже пропускающий эти вонючие струйки шевелящихся мясистых жиров влажный мешок отвратий подоначловеческих.

— Саш, — еле хриплый нежный голос обратился ко мне: именно он вызвал то пробуждение, и теперь счернённые тени тела её обретали обыкновенно тёплую приятную форму и привычные пастельные отсветы проливающих своими рыхлыми нитями тонкие кривые стрелы скажённых комнат штор, — ты пойдешь со мной?

— Нет, бабушка... может, — произнося это, я непроизвольной однозначностью понимал: я никогда не оправдаю озвученного, да акрасиевые мои боления продолжали стеснять себя внешностью нависшего легковесным грузом, — потом...

Уже две недели я не хожу в школу: чтобы не вызывать подозрений, я выхожу в городскую библиотеку во время занятий в школьной одежде: той, что висит сейчас за уже уходящей к двери бабушкой на свисающей ненадёжностью ручке шкафа: едва потёртая, объявленная ветхой неприятной желтизной рубашка небрежно держится ото блестящей дешёвизны внимательно выглаженного пиджака, из которого я вырос ещё полгода назад: любое сложное движение в нём доставляет довольно неприятные ощущения, что оправлено каждый раз ещё и аккуратною тягостью блюдения его устройства: с правой, облаенной несветом комнаты в пребывающихся радужных тусклых лучах тех стороны плечо его значительно сдавлено верхним спряжением непостоянного положья в эти граничия нарочитым трудом домашнего запаха ремня: одна из штанин идеальной стрелкою выделялась за контуром низа рубашки, да блестящий уголок этот приходилось свидетелю каждый раз неизменным трудом напоминания прошлого: эта комната до отвращения привычна мне, и характеристику данную я не собираюсь отрывать блажью излишка, по крайней мере, отдавать тому внимание мне кажется непоследовательным; глаза мои будто готовы выпасть из полой хлипкости трескающегося мигреновым уколом черепа: их иссохшая плоть затёкшей трупным усрощеньем твёрдостью опала на тишине вязкой душнотой комнаты. Лезвием рулетки как измерительного прибора способно одержать первое ударение или моментально свернуть остроту изображаемой бременности этой, да определение восстановленного требует адаптированного к ненонешнему творения или непросхождения явления ничто: я не знаю, возможно ли было восстать этим лезвием достаточно продуктивно: я не знаю, возможна ли была мысль на этот счёт: ибо сегодняшним днём моя судьба явилась со...

Могла ли она полюбить меня? Моя бабушка умерла три года назад: удивительно, но тогда жизнь как будто приостановилась: не просто стала гадкой или неприятной, но из неё пропало решительно всё: хорошее и плохое более не имело значения, поскольку постоянно я находился в дурмане озлобленной грусти: озлобленной именно тем, что приходилось оскорблять само существо задачи человеческого расхлябанною праздностью: казалось, лишение чувства могло вестись помощником в рождестве регулярной одновидовой работы; оно, думалось, способно было иевить хоть деловой профессионализм сквози той пустоутробной хвалы моего ума окружающими: однако лишение чувства обозначило одну необязательность любого труда: с тех пор я ни разу ничего не делал, ибо попросту не видел в том смысла: ничто уже не могло наградить меня или наказать, а чего-то более важного я не ощущал: видимо, оно исчезло именно в то воскресенье, оставив после себя рассыпающийся невидной дымкой шлейф подимPLICITного сожаления; когда бабушка умерла, я продолжил жить только с дедом; бесчувствие это было подобно крайней необходимости сна, что ранее постоянно сопровождала меня: теперь же я сплю довольно стабильно и экстенсивно

достаточно, однако память эту ещё держу с собой: остеклевшие трупным хладом глаза едва премещались сквозь единственно раздражающего пошлым непрекращающимся мельтешением пространства, и всё бодрствование моё было насыщено тоешним: всё стремилось к пустоте и бездне моим, да нечто ещё продолжало двигать теми дряхлыми стёртыми кровотокающими суставами: отчего-то я был уверен в необходимости не останавливаться: сейчас же, когда сон уже способен согреть прочним светом приличия стороженного, я не могу сдвинуться ни на одно пресновение: я стерял собственную форму елино естественного, однако теперь извне что-то является хорошим: что-то порождает во мне ту тёплую доброту, окромя которой я не вижу ничего приятного: Лена, моя девушка, сегодня должна прийти ко мне: насчёт этого мы условились ещё неделю назад, но сегодня она собивающимся пространением попросила выйти и встретить её у школы.

Я подхожу к Лене. Сдавливаемый внешним пространством грубого зимнего воздуха силуэт начинает проявляться в тех пустынных хладах ороговевшего серостью сличаемого же меня города: исключительно проглядывающийся в ханженстве души моей отяжелевшей нежный трепет начинает проноситься чрез уже менее уверенно ступающие к этой девушке непробитые пяты: да я сохраняю прежде спокойную и лёгким покраснением оторопевшего врождения физиономию: белая тонкая куртка только явнее смиляет аккуратные бледноватые черты лица; несмотря на мороз, губы её сохраняют прежнюю наивную влажность, а глаза отстоят тем же нетронутым честным прекрасием: то я обозначал всегда любовью: глаза, в коих едва виднеется страх перед потерей моего: глаза, что самим своим явлением могли спасти меня от былых слабосильных тоски и отчаяния. Хрустящий под ногами снег водвигал меня к ней, и с каждым шагом отчего-то становилось лицо её другим: оно не менялось, но в приближении я стал видеть иное: или всегда я заблуждался в этом, или именно сейчас она испытывает ко мне крайнюю, самую явную и моею глухотою жалость: между нами всего облитый гулением того дрожащего рассудка сбитый метр ноне, и отчего-то решилось мне полезным или необходимым встать: то, что я это рассудил, я также, видимо, надумал: я не мог двигаться и не мог ничего сказать: оторопевшим бесцветностью трупных пятен лицо моё, думается, являет сейчас самое убогое и страшное в значительном радиусе ближайшего: зеницы её свершенных светных бликов стали наливаться медленно всплывающими мутными каплями застилающей аловатости глаз чернотой определения плоти: она что-то еле заметно скашлянула, чуть замялась дрогнувшею шёпотом скрипучего бесчувственного снега ногою и наконец выдавила из себя самым болезненным гноем скисшей рвоты:

— Мы... мы расстаёмся.

Мог ли я остановить свою бездарность? Уже очень давно я понял, что являюсь посредственностью: в детстве на меня постоянно опадала пальба хвалы таланта и иногда даже

гения: я был умнее ровесников, память моя значительно превосходила их же самые язные вершины поместного, реакционные способности поражали учителей, а общие научные познания соответствовали студенческому уровню ещё в младших классах; то есть факт, да реальность несколько отличилась от додумываний по поводу; со временем я стал понимать, что дело не в моём уме, а в глупости бывшего окружения: эти люди не знали решительно ничего, они не были ни на что способны, при данностном являясь трусами и самыми жалкими людьми, на чью тяжесть нависла также крайняя посредственность; теперь же я понимаю, сколь глуп есть сейчас и насколько был глупее ранее: последовательным было бы неостановление подобного, да я не мог и не могу существовать вне крайности по силе своего самолюбия: покуда я выражаюсь в одном ремесле, я обязан быть лучшим, но при столкновении с самой убогой посредственностью в том приходится очередной раз утвердить в себе: я крайнее жалкое ничтожество: с тем приходится вымученным пустотою улыбанием смотреть на настоящих носителей тоих знания и сознаний, в сердцах понимая: если сравнивать меня с ними, то я вовсе ни в чём не разбираюсь: мои знание не немощны, но смехотворны: точнее, таковыми они были сильно ранее, когда я ещё сравнивал себя с ними, когда я ещё допускал энтузиастов позор озвучивания пошлости; теперь и ранее я отверг это: теперь оно одно противно мне и нечестно забавно: я отказался от этого, хотя и при незначительном усилии некогда мог догнать тех, кто сейчас есть элита университета; за что-то меня всё хвалили ровесники: в чём-то они могли усмотреть исключительность, да то, что относительно было подобным названному состорья в действительности ума моего, оказывалось всегда лишь проклятьем, только помехой к необходимому, хотя и то необходимым или хоть полезным я никогда не считал, всё продолжая вольбою своего самолюбия позволяться отдыхать, бездействовать и гордствоваться одно страданиями: абсолютно точно ясно мне было тогда и ранее, что страдание есть для многих приятнейшее из чувств, и внешние обрамления его выводят оное вовсе в опийственность прочих незамечаний; теперь я страдаю: теперь у меня достаточно холодности к своему страданию, чтобы назвать его таковым: страдание есть столь поверхностное малосильное слово, будто произносить, как мне сейчас видится, его могут только при великой силе духа, коией я, разумеется, не владею, или полной невнимательности к своему чувству; у меня было, думается, всё для реализации себя в университете: я владел признанием самых строгих преподавателей, почти от каждой конференции нашего института я получал личное приглашение со стороны трети выступающих, а маловнимательным призором написанные в бессонном бреду краткие научные работы постоянно тиражировались среди студентов и владели молчаливым уважением работников кафедры, однако я и близко не приближался к той самой элите университета: оробевшим испугом я чувствовал, как в действительности проигрываю их знаниям, как я ограничен и недолог, хотя

порой и владел незаурядным разностным вниманием и мог случайно образовать вокруг себя культ или шествие: я был тем, что казалось мне самым страшным: название чего являлось всегда наиболее несерьёзным и гадким: я стал популистом; я стал едва осязаемым ядром тем личности, которое представляет из себя нечто только синхроническою пошлостью: я не владел академизмом знаний, подхода или деятельностного: я был всего кисловатой режущей забавной вспышкой: я был дурновкусным несочетающимся съяньем отяжелевших мешков под глазами; сперва я даже трудился, да после решилось, что главною проблемою было не это: оказалось, что в условленных грязью личной свободы условиях я есть самое мелкое слабое создание: я не ходил на занятия, я не читал и не запоминал научную литературу, и самым страшным было, что я правда ничего не знал; от какого-то третьего или четвёртого курсов пришлось окончательно ощутить, что упущенный материал есть упущенный материал, а не легковосполнимая дымка робкого незнания: я стал таким студентом, который без назидания университетского дискурса более не может работать и узнавать новое: ничто не было достаточною причиною моего безделия: в общежитии никто не отягощал моё социальное бытие, я снова и снова получал повторяющиеся знамения уважения ровесников в широком смысле: туда входили и магистранты, и первые курсы, и даже пара аспирантов: отчего-то они видели во мне нечто выдающееся, когда я же наблюдал только паралич своих душевной и ссиленной слабостей; желтоватая перхота быта была самой щадящей в моей жизни: я был любим, я довольно ел, пил и даже спал: нигде я не переусердствовал, и в завершение же попросту отупел: былые ясность и оригинальность ума уже не смещали меня от прежней неприземлённости: я стал столь зауряден, сколь это было возможно в подобные сроки: Николай Степанович перед смертью утерял силы ума, и в том была частность его подпольнотолковой уникальности, да я же не владел той книжноприродной чуткостью к внешнему, я не мог оправдать прошлым своё нонешнее: я шёл одно сухостию к своему неотпадению, я впитал из примера должного лишь рудиментарное, и тем стало моё затянувшееся темнотою безделия студенчество: я думал о своих страданиях более всего, хотя именно в эти годы испытывал разумевающиеся под тождем номинациею в самой незначительной экстенсии: то было есть упивание ими, поскольку мне попросту стало нечего делать: сходу тяжело сформулировать, что родилось причиною той срезанности самого существа моего: мне даны были все пути к славе и даже счастью, однако я: я даже не знаю, чем я занимался: я не могу описать своё забвение парой увлечений или слабостей: кажется, я попросту сболел степенной галлюцинацией; я перестал что-либо делать вообще: шаг до ванной длился часами, и титан моих телес был таковым одно по вырождению ненужного: я был вечно отягощён этим нескончаемым свистящим, всё держащим меня на себе долгими секундами, умерщвлёнными минутами и окаменевшими часами шумом: я смотрел на кафельные редкие

сломы: я бесцельно устремлялся в эту заурадную площадь, и так было проведено время, что внешность отвела на свободу, что было оплощением меня же и оно; я был холоден к светлему в людях и сам являл самую противную в том тьму: я был малопривлекателен и молчалив, и молчание моё было скорее обидчивым, нежели задумчивым или неспособным: я был отравлен в мгновения зудящих угольчатых отсоединённостей юдолевых направленностей щекотливых молозивных крайностях рвущихся просветлий человеческого: полагаясь подле восхищающихся сточнениями оконеченных плотий, я позволял себе забываться смрадною дремотою власти и отвечать по касательной или вовсе полуотстранённою вязью срастающихся власяных усилениях твёрдости тошного: и добрых ко мне людей я мог только усомниться в их доброте и приятствии; с какого-то момента я начал писать работы с одним из преподавателей, причём вполне продуктивно, хотя, как я замечал, довольно поверхностно и непоследовательно: писание это, кажется, будто и увлекло, притом не ответив, конечно, ни на одно из вопрошаний моих: то попросту заявляло пространство упорного взгляда в ничто, и это казалось достаточным или даже излишним; почти каждый раз удавалось чем-то удивить своего научного руководителя, и тем он, видимо, часто хвастался коллегам: да именно мне оттого ничего не представлялось и не становилось; весь преподавательский состав относился ко мне не просто снисходительно, но любяще: во время седьмого семестра я вялой рыхлостью влачил серьёзные долги за второй курс, и по обнародовании этого научным руководителем наши изыскания, как он думал, прервались: прервались именно для большей дальнейшей продуктивности, дабы после подобного облегчения удавалось заниматься делом уже без лишних вмешательств воображаемого им во мне стресса и волнительных домогательств коллег: несмотря на то, это прерывание кончило меня как студента: оно было последним, и с этих пор я ничем не занимался от университета; во время восьмого семестра, несмотря на самые горестныемышления и предметников насчёт того, я был отчислен. Достаточным было ропотное маломальское напряжение, да я не сделал абсолютно ничего; в тот день мне не было ни хорошо ни плохо: я понимал, что каждые прежние везения ума и ситуации оказались бессмысленны: я не довольствовался числом университетских друзей, не встретил там любовь и ничему не научился: мне в нём так ничего и не понравилось; всё, на что пассивною нетрезвостью были направлены мои усилия и годы жизни, обернулось ничем: я не истратил на учёбу ни часа свободного времени за последние пару лет, да всё же: окромя того, я также ничем не занимался: я ничем не жертвовал: я ничего не получил: я одно отупел и стал слабее; глас тела моего стал робче, и лучшим же с того стала возможность не чувствовать хоть эти три с небольшим года резь моих лопающихся костей, рвущихся мышц и одубевших жаром связок; теперь не трогало меня окончательно ничего: в двадцать один год я потерял чувство и более не был способен на вправляющееся должною стенозиею нутряного восхищения

воспоминание; порой я продолжал фантазировать насчёт научной карьеры: я думал об условленных элитой и зловенно вспоминал, как им вправду было на меня плевать: те, кто смогли развить себя в прочнем, не обращали на мою позорную эпатажность ни толики внимания, и среди них редко выделялись самые добрые и снисходительные люди и люди недостаточного различения эмоции: я был одно посмешищем, что не смогло кончить и посредственной трудности ступень образования; почему я подобною едкою, пытающею все естества мои хрупкие кислотой думал об этом, когда оно уже ничего не значило? почему последним чувством моим осталась эта немота жизни? почему я перестал впечатлять на этом положении? отчего не могло оно смениться хоть на чуток? или.

Мог ли я быть счастливым? Всё есть и было давно мною запланировано: каждое движение сегодняшнего дня, каждый блик еле плеснувшего на стол света, каждая реплика моей беременной жены и вахтера: сегодня ничто не может удивить меня, сегодня каждое потенциальное событие было обдуманно мною с десятков раз, и потому ничто не будет мне новинкой или неожиданностью; одно бытийственные ситуации положений чаровных могут представиться чем-то, и отчего-то именно эта пустота интригует меня менее всего, хотя тому и представлен весь день сегодняшний. Я открываю глаза, хотя уже с двадцать минут не сплю. Сегодня я не пойду на работу; время ещё довольно раннее, и потому Вася пока ничего не понял; я мог ей сказать, будто сегодня выходной, да это не станет отвечать никакой потребности состояний нонешних: отвердевшие зияющей душной тяжестью грубых волокон остывшей плотностями сменённостей наддурных комний тех омазовевших случайных сбивчивых блисков оскаблевших сугловатостей воздушных сполженностей продлинний надсвойственных вибраций уродств прочних оплошений свлажнённых правлений тканевых белёсых пределённостей граничий ярственных гладкостей окружений давлений картониевых фантомов положенности сальностных гноев стений тех и позвоночий потолковых отдалённостей предметного тумбы и пола реальности влагой веки расслабляются хлюпающим призраком сворачивающихся сплотностей срывденных подотвергнутых манований полагающегося же и преплощающегося сухостями омовения человеческих скристий прочего тождеств вещественных ладьевых облиний утровожденных подсцветий слижающегося естественного бледного огаенного турпного, выдающегося рельефом барукиевого тончайшего лепестка пастеленного ольминного густостию палочности тоевого орадения плоскых лодвижий помежных же и на яко де пасти мени грозиевой подростимини пакета знобяникового мухортого мариевого корцевого бедноивого ремизового сдарения чйиртного грома рокотливого лёгкого кошачьего подтсупного шага фуксовых необлегчений вартимеевого саадака вражды сторончатых направленностей наконецтошних подвижиний робких порезаний в темноте воронениевого невременного состием агарьевого

справления озвученной гомышаньем продолжимых выкриков нетошных осложнённостей
вырождения же шевелящегося труда едва слышимой рези подстонушного в оих сглублениях
смокшего хруста всеударяющегося извечия надбесконечных отрывчатых дышаний
поглаживаемых даров отнюжнего ионафанового брулья отравовевшего пятнистостью
постороннего в тесности чуть усокрытого целованием братацьего спряжения стончённых
размазываний надпродолжительного сущствления одно означения порвадовшейся
учтоженности тех беликов пялов некрасневших первичий рехумовых претензии писка
извеченного хлада обмораживающего зимовением отупевшей явленности сходящего одно
горячью одно нечуждного пара скрипом шоркающего освистывания поприроденного
отрешения мысли скроенного и отдаленного щекотливою стройностью справливания
отваленных трупною мерзлотою рук сквози тех неприставленных топающих свечений
усмертного страха расположенных здесь непредпочтением уродства опрастывающего
коргиелевого гигантизма удолженного слабостью наросшего гроздьями гнилых смрадных
упиенственных кист ночных положений средь плотностей рыхлых непрекраемого костями
дисасмий отваливающихся бессмыслий и вырывающихся ударением окроплавливающей
рубцами жирных шатающихся искровий надложных пестерствий продолжающегося вопля
бездеятельности рези нужд пафоса надоложения обмассивного сожидания долгих оправданий
постронних неждий точечных пуантелевых видов оконец тех зияющих сейчасных
выявленностей обстоящих непотенций изручий внешностей в воздушных отдалениях
форменного подобнаружения излишне скрупнённого гамом надложенствующего порождения
хоть временного свиста опадающей глубже нити провода нерва данного и образования даже
излишнего в том приятства желательной мягкости со сбивчивыми плотностями спаенной
резкости тамошнего свечения бликов колющих, содрогающихся светом бурдового отлипания
щекотливого вобмирения органов биющихся тканей страдания чувства сообмирения этих
неподзывчивых прочитаний урожнённого горью обпадения вношнего кровития глазных
остроговоложных спусканий ускоренных пошто темо красностью металлического ссушения
нажимания внешности сокростию обначенного контуром прочного буркалом в мостових-де
кростоньях группевых серебристых обморигов сочащихся то же со вритсою тошноты тех
рвотных колыбелей рождества горячего темнот окружных беспросветных отдалений
кровянистых смазанных сгустков размашистых вязей гнойных опухолевых каловых
отданностей слёз запревших воней невыносимых костей смердящих, проржавевших
уродством пиохевных сменённостей бледных отрывистых побубонных кожных воспалений
лимф сорвавшихся смертью нарывов маслянистых ногтей в непоследовательности
въявившегося нежизнию сквози того умертвия трупных кист труповых гноев человека и
порывий его добливания мочой и надружденных смертей трупов могильного воства

сущением недолгия гнойного под бубонным гнойным трупом смерти страданий обливающегося жирными оспенными комьями слизней свёрнутой крови сквози покрасневших лопнувшими сосудами гадости самоблюющей вяжущей кислой сглубинной слизи лиц изуродованного трупа смерти того позеленевшего человеческого воспаления смертью трупным омерзением подрагивающей чумноватой частности того ублитого вросшими глазами умаления затхлой свистящей вони слипающихся и рвущихся внови, смердящих смертью вопящего страдания опухолей вбивающейся маточной рези отдающей в подрывания связок стонущих обоением мигрени той, и где комнатные сии местности сблаженного удариом-де человек сдырявленный и рваный же: рвотные колыбели трупного смрада: воняет: воняет мокрым разбухшим трупом: воняет подрагивающимися мёртвыми маленькими: смердит оборванными, связанными из одно гулкой черноты внешнего содавленных пуповин канатами, и же подле глядит на меня: уставившийся шевелящимся подгнившим дырявым мясом на черепе, отдающийся формою оконих метров сделения прочного: в этой колыбели из рвоты: очень жарко... и гниют тела мои в ней, когда вокруг-де неё-де есть только сияющая ничем пустота трупного виридана: мир есть оспяное гниение сначала отравленного одно задаточностью греха человеческого, да на том мразь человеческого не остановилась, и более Чудо здесь не может явиться, и более-де: Господ же не видит меня, покуда я же сам: скрываюсь от него: ловче прочного млека сверкающих пияв. Смерть: а ты не страшная: просто молчаливая; открой мне веки; отвори же. Осребрившиеся корки сочарованной пустоты шевелящегося труда сусердия опоздания стекотного управления тех гладиевых круглых форменных бездвижений нестерпимого проставления иначнего отвлечения явления узакного шва шёрстных пониманием будущего смертии стоевого грозьею лесочного нерва золотистых огравений человеческих наставленностей когостных явлений тоевого галстука стягающихся прекрасий: само же прекрасное: то сверкает ограниченностью объемностей нествёрженных мановенностей нерешения прочного существа бурдового подле людоевого неприятия призоров солиевых катышных галстушных направленностей язвенной несместной говорливости блездянных непринадлежностей к былому громом пошлости картыжных давлеств тёмных грыж пространств тонкостных плёнок линзовых умертвий телесных сположений объектного сквози подваривания мягкости той рыхлой и снывающей подле хрустяшным стоном алюминиевого собмирения состаренного складочия надопложения восхищённого: тепло оправляющие существо твоё лучи золотистого блика сворачиваются высотным гулом вожделенного над положенностями низости страненного вод одубевших надрывов сживотненного и родительного: крошение костностей кипарисовых кактусовых кустовых обманутостей выдуманым и недоставных от ударяющих в глязья горячею властью паутин всеспроникающего росой цельного конвергентия ковыряющегося отстранения

пузырей огранённых добавлений телесного наливания вношнего от тамо жежде михицкого
плеядою стона материи претностью воплощающейся потенциальностью прекрасного же от
огравлений рубленных кровотоций выскокого вяжения суставного громыхания масштабов этих
нескончаемых должноих в ударяющемся стяжении ото выдавливания лёгостного под
прочностью неотстранного и смолчённого подачностью обязанного прекрасного
восхитительного красивого и высокого явлением нрава же пузыре пустоты тамоей плены
пышных неошных нектаров духа то е Божественного принадлежности неумирания смертию
формы материального от прочней вязочности цепей согравленных искусств: искусство то есть
плотии антиподовогрожденного блеском нейтрального, и прекрасное-де есть сверч пепла
востанного от смыкающихся невыносимую болью красных набухших, надрывающихся от
слезистого прекрасия надчеловеческого в самом же человеческом порыдании пял: извечное
гулкое повторение стона вопрошаний тех игл вычотных и крови толстых стен: для чего украли
у меня серебряную чашу? Рвотная колыбель пребывающихся перламутровой тяжбой комнат
тоей; я встаю; ноги мои аккуратно слипаются с тёплым, привычно впивающимся в огрубевшие
пяты смазновением поглажистых явлений действительно человеческого ото брестий тех
подзабвенных и приятных же полом: руки касаются уже остывшей приятным лёгким холодом
наволочки и наконецтошно стягиваются с твёрдостью кровати: голова ещё едва нестаностью
отдолженного рябит, и зияющие пропасти материй побелёсненных постепенно сокрываются:
чуть поодаль я начинаю усматривать свет застенков и будто снова обливающихся подтенков
бабушкиного ухода; всё это я вижу каждый день: и всё это мне давно гадко и неинтересно;
шепотливые аккуратные шевеления жены чуть выдают в доме этом движение, хотя оно же и
было пытанно отвержением самого; тяжестью ног и непониманием головы я встаю: даже с
теми прелюдностями мне не стало физически легче: материя: то более не; я скорее
постукиваю по необравленно принимающему меня полу, и редкие сколы паркетных досок
давят тамо, и тое же; я в коридоре. Сдавленные широты sostений положатся подле сходней
твёрдости плоти того пробивающегося, и с теми-де подстраннами шевелятся осушившиеся
каменем пленённого, сокрушающиеся зыбью гула внешнего колени мои: медленно
приставляющимися жидкостью воздуха ногами я поступаю кверху, и шёпот реакции предмета
подувает гадкою тишиною сквози неприятной дымки родственного оболотившегося тумана:
окужнии острийства телес квартиры этой есть частии моего, и кожистыми воспалениями оно
просекается меж гридеперливыми ссохновениями продолжающегося сдлинения междверных
подпролёток шипящих шевелений: укрытия сеточных отдалений видияются над рябомтно
сомкнуемыми возросшими чернотными кольями твёрдости извечного перьями рокотного
сряжения того, и же глаза мои впиваются в чореп догнилием растящегося свисающих
жирными представлениями существа и подпражденного сквози широт обрасных тождествий

тоемой блажи человеческого мешоков: щёки вдавливаются сухостью смертного забвения
тешних бесчувствий, и громахание шеркостных хлористых запахов подороженно ложатся к
плоскости тех решётчатых ногтевых сщущений розовой бледности спарившегося
изначальным оправданием априорного гознавания почёсывающихся отсердий абсолютных
немот сил и способности содеять или въявить тем; кошачиёвы простоты остранения
сиятельствующих вдовней пробивают отёкшие подрывающей снутри альмандиновые болью
зраки мои, и: в свете коридорного удара одно темнотою спасает от тех уязвимопрождённых
пространств: лучи садятся вокруг и подле, и чернота силуэта пробивает взгляды цветами того:
удивлённая тишиною вязи блюдения жена сперва будто спутала меня с кем-то, после в том же
мгновении осязав наконец теплоту соотношности пробывающего; моя жена неловко
улыбается: мышцы лица её обворачивают нажиревшие в беременности щёки, и
подкрасневшие мучительным от рези иной ткани бурдовой недосыпом глаза прикрываются
радостью еле скатившихся кверху нижних век: она издаёт чуть вырождающихся милым
забавным писков голос и обнимает меня: то, казалось бы, и должно приносить хоть
сприятствующее, да мне скорее противно: обритая гудящим пузом жирная женщина уже не
видится мне женою, хотя рассудком я понимаю и собственную гадость, и её с будущей дочкой
человеческое великолепие; я не требую разделения собственного чувства или хоть
озвучивания того: я обнимаю это, да оно крайне мне неприятно; чтобы обнять меня крепче,
она направила это гигантское пузо чуть вбок; я сказал ей, что люблю её: с самым честным
блеском в глазах она словно неумело и, подумалось бы мне, не знай я её, нечестно ответила
тем же: я сказал то гораздо убедительнее и точнее, хотя сейчас одно пытаюсь сдержать
неприятную тошнотную резь в горле при виде прилипшей к щеке её противной, облитой
полупрозрачным свивающимся ореолом солоноватого вонючего соуса еды; её зубы сильно
попортились, и потому сейчас изо рта того пасёт едва слипающейся в плоть того вонью
тухлой ночной выдержанности: одежда её скомкана и не лишена отвердевших болотную
тёмнотию пятен, а шорты уже давно не отвечают требованиям размера, хотя то она никак не
стремится признавать; я холодно отлипаю от неё, целую навязыванием себе дополнительного
отдыху времени и иду в туалет; степенный глухим хрустом щелчок двери притянул внимание
жены и словно востребовал меня обернуться, да то я не сделал сознательным нежеланием
снова её видеть; тёплая плита оббивает те же ступни мои впервые нежными чувствами: я
невнимательно стаскиваю одежду, вытягиваю вперёд правую руку для опоры и еле слышными
движениями начинаю массировать мешки под глазами опавшими под наклоном главы сухими
власами: так я стоял с шесть минут, лишь под их конец сумев свершить предполагаемое
изначально: когда мне дурно, ничего не получается; чтобы создать вид оправданности того
времени я нарочито громко шоркаю туалетной бумагой и кидаю её в унитаз, хотя даже в самом

смелом предположении не стал бы мириться с подслушиванием; уборная вычищена внимательною уборкою жены: здесь много лишнего и иногда мне противного: это изобилие, кажется, должно радовать глаз или хоть проходить мимо, да меня это всё раздражает: мне это неприятно и дурно: я одним движением выключаю свет в туалете и включаю в ванной: с первым этапом пробуждения я справился самым плотным оформлением к плану: теперь преддольственною резистью необходимо несколько ускориться. Здесь нет света: в этом мире нет света, и мы есть только едко оправдывающие каждый раз свой знак создания бездны: той, что приняла наше уродство и должно было исправить, да создания не согласились с этим: они захотели, чтобы каждый человек знал о каждом человеке, хотя каждое же эта была одно характерностью той черноты, и только случайностью малостной эта чернота проявляла тёплое и светлое в людях: то сохранило форму черноты, да позволило жить хоть рассудочным пониманием пути неумирания: того, что некогда должен образовать из человека Дух, и то же станет; глаза мои чернеют болью тела: мой план давно мне известен, и теперь одно осуществление должно решить меня: точнее, вопрошание моё, да вопрошание же в мире объявит и то, кем я являюсь: одно тем, что задался этим вопрошанием; я никогда не реализовывал весь свой потенциал: первое время я не был способен и понять его, во второе же делал то случайно: теперь я использую это, дабы достичь предельной продукции собственного; всегда я расслаблен: точнее, всегда меня не волнует внешнее и всегда я занят деятельностью скорее по касательной, да это дарует мне невероятные способности: всегда я погружен во единое размышление: всегда вчерашний я есть продолжение позавчерашнего, и не треплет меня сомнение о нонешнем, покуда принятия правила и системности изначально выставили остов всего моего существа: я живу только; чуть колышущаяся непоследовательностью довольно скорого действия и неподготовленности к тому глава моя задевает лишь самые узкие стороны предметов этих: предметов, что язвенною приторностью пахнут моим домом: дом мой защищён от любой скруженности и должен быть мне приятен, да нет ничего в этой материи, чем мне хотелось бы ещё менее вплющать себя же, куда бы мне хотелось возвращаться ещё менее и что явилось бы более неприятным местом с созданием этого смрадного уродливого блестящего мясистого брюха; меня еле пошатывает, и устремляюсь я к указательному пальцу: краснота его бледной сухости едва заметно трескается и пробивает лёгкую струйку крови: с тем нога моя окончательно опускается в твёрдые тела новой, сияющей отсветами той же омерзительной квартиры металлическим, нелепым реальности быта того концом туфли, и с тем незаметным превозмоганием мой палец высывается с её преющей глубины: прохладная окрасневшая кисть проходится по мягким тонким растягивающимся брюкам и почти касается обтягивающей, заправленной в безременные брюки эластичной чёрной футболки того же ониксового прелива; цепи

отдающего частии стучающейся об неё кисти запястья моего и шеи почти завитным отражением виднеются пошлым ненужием, да: да та внешность идёт мне безусловно: этой излишней лоск есть способное помешать мне, да: на эти риски я иду: я принимаю то, и; жена продолжает спрашивать меня, куда я иду в таком виде: кажется, она ревнует, и оттого именно перешла на подле повышенный зиянием пространств тех остужённых тон: я выгляжу слишком хорошо: мои тораксы в сто двадцать шесть с шуйцем в пятьдесят два такую непрерывную дымкою приставляются к заляпанному мешательством прочного зеркала: то не даёт видеть меня же, и; этот нарочитый женский писк не повредит мне; признаваясь, в план свой я не вписал её вмешательство, покуда само её существо для меня: не есть. Я человеческое совершенство: точнее, я стремлюсь к нему, и знанием же светского сегодня решатся мои изыскания; я есть прекраснейшее создание земляного этого, да на том не останавливаюсь, вспоминая об этом одно раздражёнными напоминаниями случайной причинности: каждый день я читаю не менее двадцати авторских листов: на то уходит почти все рабочее и домашние времена, однако я никогда не сбиваюсь с режима; каждое утро моё начинается самым полезным завтраком и тренировкой средней интенсивности с растяжкой; еду до работы я теперь с водителем, и потому во время того также читаю: сперва он пытался завести со мною нелепые скорые неинформативные разговоры, да теперь даже подобная мысль звучит одно смешно; каждый день я дважды обращаюсь к гелю и крему для лица, во время ежедневной ванны иногда пользуясь дополнительными масками, эффект которых не признаю, но что использую скорее для забавы; уже четыре с предусмотренными перерывами года я сижу на фармакологии: без того я, разумеется, не смог бы достичь подобных результатов в столь краткий срок: с тем пропиваю ещё и условленное множеством количество некое витаминов: два месяца назад каждый день я мирился с лёгкой головной и желудочной болями, но теперь всё возвращается внови к прежнему неощущению немоги тела собственного: кожа лица моего блестит, в заляпанном уродством жены зеркале этом сражая строгие острые черты выдающегося вида: однако я не засматриваюсь: не упиваюсь своими совершенством и совершенством: действительно, более всего меня волнует именно обращающееся ноне: именно это вызывает истинный трепет и неудачу собственного, и в спрямлении мысли о том пришлось будто даже позабыть о первозданной причине, о порождённости детеря плана; за неделю около четырёх или пяти книг есть моя средняя норма: первая цикла недели обязательно содержится художественной избранной литературой, второй становится научная, а третья-де обрекаема на эссеистические работы чаще философского или мыслительного толков, и далее черёд повторяется; чёрные, вязкие глубио смерти мешки под глазами моими опадают на жену: мгновенным оробением она срождает немоту страха и тошнотную неловкость: я чувствую это: я чувствую это и хочу видеть продолжение того, да у меня нет

времени; не прощаясь с ней и не отвечая на вопросы, я глухо ударяю входной дверью и ступаю на чуть скользнувший коридорный коврик: кажется, она снова что-то пьяным шорканьем созвила, да лифт уже приехал: я слегка придержал дверь, но смотреть на неё не стал: я съяснил, как ей было плохо, и оттого мне стало ещё приятнее; но план не может смещаться: я обязан ему следовать, и потому не могу отвлекаться на развлечения; я вхожу в лифт: я смотрю на своё отражение: я снова вижу грузные наследственные мешки под глазами и по-кукольному блестящие нежные скулы: глаза мои не выдают теперь красноты, и всегда облитая двумя толстыми венами шея ловко преливается к правому плечевому суставу. Отчего я страшен? и страшен ли я? неужели совершенное обязано быть страшным? чего же мне не хватает? что требуется мне и что было упущено в то воскресенье? я чуть содвинул руку, коснув сухой отяжелевшей трёхглавостью спины: я несообразной заметностью всосал щёки, ещё пуще натягивая туповатые скулы: тяжело не признать мою неуместность, мои нелепость и слабость пред омерзительной тягостью того хранения; сегодня захариевский седьмой июль года этого, и пророк; я наступаю на душные камни смрадного обшарпанного застенью подъезда; высота сряжденной грязью пыли времён этих непроходимых стен сдавливают тёмные гущи спадающих ветвей плен голоса подъезда: то нельзя назвать парадной, и нескончаемо трескающиеся тёмно-зелёные пластины краски отлипают проходящим с тех власяных несдобствий плесенью ороговевшего бубонами чуть проливающегося сюда линией одно прекрасного желтоватого сдвигания дневных звёзд света ржавчины хрустом: эти умбровые, скажившиеся острыми вмятинами басистых поглублений поручей были видены мною множество раз, и множество же раз я не замечал ядовито вдавленных во внешность недлинных ржавых гвоздиков снизу и неправильных, общую стойчивость конструкции особо и не колеблющих сгибов сплюснутых тонких полос иногда трескающегося тою же старою салатовой краскою металла; частые, вобождённые в рождения пола разноцветные графитные камни оседают на рябой прелости прежних отзвуков свитийственного узрения твёрдых сглибчатых глянцевитых неположений; неуместно светлая доска с объявлениями пестротой цветных пустотротовых опадений даже не мешает глазу во мгле своим несовпадением тому, и грузная жирная тень стенается моим шагом: я выхожу из стукнувшего писком узкого, щёлкающего недостаточностью долго пребывающегося света лифта, и темнота следует мне: и щекотливые, проявляющиеся прежде с граничности чуть прискрывшегося дверного проёма лучи солнца будто бояться меня: словно с приближением моим: свет тяжелеет мгою моего же и. Зыбь пороха этого стянутого: стужение пепла буднего: я слышу содрогающийся резью звона гул, и то есть звук окружного: именно этим звуком падёт внешность подо мною, и именно этот звук знаменует: мою власть: власть лишённого вериг, ибо лишён я веры, да и в

веригах же плоти одно не лишат меня того, но воплотят настоящее: я бессмертен, и здесь. Я направляюсь к своему лучшему другу. Другу, которого полюбил за его исключительность.

Когда наступит смерть? может, необходимо спросить скорее о том, когда я умру? может, я должен сам то решить: может, я должен возомнить себя довольным этой власти; едва ли: едва ли я могу освободить себя так легко: едва ли Оно отпустит меня, поскольку условием мне то было запрещено. Глаза мои вдавлены самою непросветною мертвенностью в осевший уже остаревшими кожами чероп: морщины отпадают от юных кукольных стончений тою же сезвостью, и я продолжаю устремляться в ничто: я продолжаю чувствовать одно настоящее страдание, одно настоящую боль, о которой делиться невозможно: с которой нельзя вопрошать и которую нельзя пояснить; я чувствую тяжесть Того: вся Жизнь сдавила меня бездною моего же непонимания, моей неудачливости, моей глупости, моей хладности, моей лени, моей праздности, моей бездумности, моей непоследовательности, моей дерзости, моей неуместности, моей гадости, моей трусости, моего: Жизнь сдавила меня самым уродливым, чем только могла: жизнь показала мне себя: она безапелляционно уткнула мои глаза в гноящиеся вонючие убогого, она обратила меня к себе, и то было самым жестоким питанием, которое только можно вообразить. В тот день меня никто не понял. Окровавленные жирною алою кровью друга руки мои сдерживала любящая смелая сильная жена, и друг же после; тогда он не стал ни к кому обращаться: его знакомый, относительно известный хирург, подшил венозные кожистые нестоячие спинные вабиля необращённого, и он первое время даже пытался поддерживать со мною общение: да только пытался: не нужно было с самого начала выдавливать из жизни того, чем она не являлась: жизнь всегда являлась одно жизнью, чего я так и не смог понять: жизнь была жизнью, и друг мой только силою супротивного мог первое время обращаться со мною как с человеком; только жена могла посчитать и посчитала это не концом моим: только она будто с самого начала понимала, кем я являюсь и на что способен в надрыв, который некогда должен был свершиться. Я сидел на часто соскальзывающих облившимися кровью моего друга ссадинами коленях, пока ещё окоченевшим взглядом уставившись на сбитое вязью граничь тело друга: он не мог двигаться, и после десяти минут активных надрезиеваний упал в обморок; я смотрел в ничто: я смотрел в ту бездну, которой оказался сам, и смущала меня не уверенно отстёгивающая от той конструкции друга жена: на внешность я не мог обращать тогда свой взор; я был разочарован: не знаю, довольно ли это слово этому событию, но: я ничего не нашёл: казалось бы, было смешным надеяться на большее, ибо большее же могло раскрыть мне те знания, которые способны утвердить власть над всем: возможно, проблемой было именно то, что я искал знания: возможно, в то воскресенье; я не хочу об этом думать. Тогда чернота моих глаз казалась мне предельной; я думал, будто событие всегда сильнее состояния, да всё оказалось наоборот; на протяжении

этих двадцати лет глаза мои впадали в лицо всё туже: всё менее я был способен моргать, покуда тою вдавленностию уже невозможным стало видеть или желать: моё разочарование превоплотилось в нескончаемой сглубины падение: греховидное уже перестало будоражить былым отвращением, и я столкнулся одно с ничто: с тем, что связано, думалось мне, с бытием; да я нечто не связал: я упустил всё, что мог упустить; нарушения кардиоваскулярной системы; я даже не стремился к совершенству; кто вообще мне навязал, что самосовершенствование близко к совершенству? отчего никто не обозначил ту малость самого? отчего мне никто не сказал, что отпадением собственным вкупе с тем ничтожеством своим: что: что я стану; в тот день я зрелищными усердием и встречей избил его, да: во время же я ничего не испытывал; во время того я не чувствовал даже жалости к своему другу: я ощущал его силу: я понимал эту характеристику, да невозможно было и помыслить, что сила та близка к власти: к той власти, к которой я стремился знанием. Я убог ещё и тем, что радужные небеса эти продолжают снисходить ко мне: они продолжают быть благосклонными, но я: те блики светлого: те радужные дымки... я сижу в гостиной своего дома: рядом со мною жена, а спереди сидят восемнадцатилетний и семилетний сыновья. Подравненные сположенностию бархатных марсаловых высоких сосформенных плотий отрывах сглаженных сцветных чернотных жестиевых давленностей нахождения сужденённого и недолжновенного с теми же гроздьями пыти пузырчатых тканиевых свихрений черёмухового пророка трав плотностных находжений кресел бумажниевого прохождения Пейо опиранием надвлопного стеклянными правлениями прочиевых тригориновых дрожений тел человеческого венозными формами грозного же и отдалённого целованием осевшего жирным вонючим салом пресвитера церкви Тудера от сокаяния гроздьев данностных и составленных преложением сидящих сынов в дочерях-де; между мною с женою и сынами отстоит шевелящаяся пением надветрия того ковровая мягота сплетёнистого от уколов скрепиев ото скования воспаления костных састовностей реального под лёгкостью тела, и те же: плоть более не поспевает за душой, и данности связок тех прелистываются темнотою возжей отходящих существ уте местностного гремением покрестного соклетения плесканья ерояных кровий гатьевой мги ручиевых белоков тамошних жде подходех сожжательникого ото мне явстовного, и: Фриянд и Шимон подрестнили повертия отражений желтизны тоемой воспания кольчужных подосрезний ручешных капель луж тех заусеницевых содроганий молниевых гроз праждных пастоелиевых перламутров волн вожденного отдания горячего бесхладия остовных гробовой могильностью смерти глаз ых и обязжений пятных связдений лопнувшего подрывом облитых нервом набуханий нитейных подрений за сероево дньий в нощи и во дьне непрестанно не изгоре подо чёрностию подо бледностию подо ничто поштомуевому оттого, да: комната эта широким кругом собственным объята красно-коричневыми узористыми

свихериниям плечных опадённостей могильного оправо листих Господа лод ма жихних подо спелостию смерти: смерти: бледности болотных осложнённостей надставленных свишновений слиниевых граждений вrostаний природного же и свишненного античного белого пурностию точечных пуантилий сребристых звонов камней сверкающих златистых ветров облачий грубых под древяностию склизкого вервошения ото пастого тоей малосержденного и одно настоящего стоянием: недвижием пространств звёздных: сидим же мы спокойствием взгляда на них: я сижу, и мутнота пял собственных умирает тем смотрением: смотрением в сыновья ото вечностью одно природного сквози порождения того укола измождения главно несоответствия и незнания: каждый день смерть становилась больше: и каждый день во мне набиралось всё менее жизни; радужные стрелы солнечных лучей пребывают всё же небо крутящихся сверженностей вечности того света: оболочка надплотого зияет тою ясностью блажья тянущегося хрупкостия.

Отце наш Небесный. В своей. В своей кроткой длани... своей кроткой длани содержишь Ты... Избыток щедрот Твоих мы не в силах...

Сияющий радужным перламутром йосмертиего рождает тамошним, и темишно: антрацитовые несговорения зарасудоченного мыслию некогда отдалённого лакричного изссиня-графитового чернильного оникса моих буркалиевых: гибели свечения прозрачных стёкол зрамонных врождий неузарочения прелистания шоркающего ударения моевых...